

Чи Чэн буравил У Суовэя тяжелым, черным, как смоль, взглядом, острым, словно нож. Любого другого этот взгляд заставил бы невольно отступить.

У Суовэй исключением не был. Его столько раз «воспитывали», что выработался условный рефлекс, однако даже бесчисленные уроки не смогли укротить упрямый нрав этого осла. В конце концов, виноват был сам Чи Чэн, так с какой стати он должен идти на попятную?

У Суовэй прикусил нижнюю губу и вызывающе ответил:

— Хоть сто раз повторю — ничего не изменится. Я тебя не звал, ты сам сюда приперся. И что ты мне сделаешь?

Он бросил дерзкий вызов, всем своим видом показывая: рискни, попробуй меня прикончить.

Лицо Чи Чэна заволокло грозowymi тучами. Его пальцы на горле У Суовэя сжались, тот начал задыхаться, но лишь крепче стиснул зубы, не издав ни звука. Даже когда воздуха в легких почти не осталось, он не проронил ни слова. Чи Чэн — натура пылкая, самолюбивая, и, конечно, ему было невыносимо, что его так бесцеремонно водят за нос. Очевидно, что теперь он будет вымещать злобу.

В конце концов, максимум, что случится — это пара тумачков. А проглатывать обиду, когда виноват Чи Чэн, он не собирался.

Чи Чэн молча наблюдал за тем, как меняется лицо парня, и произнес пугающе спокойным тоном:

— Даю тебе последний шанс.

У Суовэй лишь насмешливо скривил губы, упорно храня молчание. Чи Чэн понял: тот окончательно решил стоять на своем, мол, да, я тебя просто дразнил.

Внутри Чи Чэна шевельнулось странное, не поддающееся описанию чувство. С каких пор он стал таким нерешительным? Раньше, если кто-то смел так с ним обращаться, он сначала расправлялся с обидчиком, не разбираясь, правда это или ложь. Он уже трижды спрашивал, и не потому, что искал оправдание для У Суовэя, а потому, что искал его для себя. Человек сказал все прямым текстом, а он вместо того, чтобы что-то предпринять, подсознательно раз за разом давал ему шанс.

Иногда мужчины ведут себя до крайности странно, когда дело касается самолюбия. Стоит собеседнику хоть немного увильнуть от прямого ответа, как они тут же начинают обманывать себя, надеясь на иной смысл. Но У Суовэй прекрасно это понимал и намеренно не оставлял ни единой лазейки.

Чи Чэн впервые ощутил панику. Ради человека, которого знает всего несколько дней, он

постоянно нарушает собственные правила. С того самого момента, как заметил, что парню нехорошо, и перестал курить, он начал терять контроль. Вся его жизнь последние двадцать лет была в его собственных руках, никто никогда не мог им манипулировать. Если бы У Суовэй любил его, он бы счел все эти выходки просто игрой, но раз У Суовэй прямо заявил, что это лишь плод его воображения, у него не осталось причин продолжать эту возню. Иначе он превратится в жалкого навязчивого типа. А до такой степени опускаться Чи Чэн не собирался.

Внезапно ему стало все это противно. Он разжал пальцы, встал и отступил на несколько шагов назад.

— Хорошо, У Суовэй, ты смельчак. Надеюсь, больше никогда тебя не увижу.

Сказав это, он развернулся и ушел, не оглядываясь.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, У Суовэй медленно поднялся, потирая шею, и посмотрел на дверь. Он не ожидал, что Чи Чэн так просто его отпустит. Вскоре снизу донесся голос матери:

— Сяо Чи, так поздно уже, ты куда?

Чи Чэн что-то негромко ответил. У Суовэй намеренно выждал некоторое время, прежде чем спуститься. В доме стало как-то пусто — не хватало всего одного человека.

Мать увидела его и позвала:

— Да-Цюн, иди ужинать.

У Суовэй взглянул на стол: пара вчерашних остатков. Он не был против доедать за другими, но его всегда удивляло, почему мать — в любой период времени — так тепло относилась к Чи Чэну. Приберегала для него мушмулу, заботилась, чтобы было повкуснее, а если тот долго не появлялся, начинала расспрашивать. Она заботилась о нем даже больше, чем о родном сыне.

Он придвинул стул и сел:

— Мам, ты слишком предвзята. Когда Чи Чэн здесь, ты каждый раз готовишь новое, а как он уходит, мы доедаем его объедки.

В его голосе не было злости, лишь легкое кокетство. Мать с любовью взглянула на него:

— Ну что ты такое говоришь? Сяо Чи редко заходит, как же можно предлагать гостю остатки? Люди скажут, что мы не умеем принимать гостей.

Она сделала паузу и бросила взгляд во двор:

— К тому же, какой Сяо Чи внимательный. Вчера услышал, что я ищу чан для засолки овощей, а сегодня привез. Такой красивый чан, засолы в нем точно будут вкусными.

У Суовэй замер:

— Какой еще чан?

Мать отложила палочки, вышла во двор и принесла вымытый чан. Ее глаза светились радостью:

— Вот этот. Разве не вы вместе его привезли? Сяо Чи такой красавец, и вкус у него отличный, мне и размер, и цвет очень нравятся.

У Суовэй молча уставился на вазу, которую всегда считал уродливой. Тогда он никак не мог понять, почему Чи Чэн решил ее купить, а теперь все встало на свои места. Чи Чэн с самого начала запомнил просьбу и купил вещь для его матери. У Суовэй тогда долго насмеялся над ним, но Чи Чэн не оправдывался — он просто делал доброе дело, не стремясь выставить это напоказ.

Сердце У Суовэя болезненно сжалось. В какой бы период жизни он ни встретил Чи Чэна, тот всегда делал больше, чем говорил, и никогда не просил ничего взамен. Он вспомнил взгляд Чи Чэна перед уходом — кроме недовольства, в нем читалось что-то невыразимое.

У Суовэй вдруг понял, что слова Чи Чэна не были такими уж непростительными. Если бы он не вернулся в прошлое, в студенческие годы, и не начал его преследовать, то по привычному сценарию Чи Чэн полюбил бы Ван Шо и остался бы с ним. Это он сам начал навязываться Чи Чэну, так что некоторая нерешительность с той стороны была вполне естественна.

У Суовэй убедил себя в этом и теперь хотел только одного — найти Чи Чэна. Своего человека нужно уметь успокаивать, а он его разозлил, и кто знает, где тот сейчас мается.

— Мам, я помогу тебе с засолкой, а потом поеду в университет.

— Не нужно, возвращайся к учебе. Сейчас в деревне затишье, если бы не сестра, которая любит мои соленья, я бы и не стала возиться.

— Мам, тогда не забудь оставить мне немного.

Главное, чтобы Чи Чэн тоже попробовал. Он хотел, чтобы Чи Чэн оценил.

Вечером У Суовэй лежал в постели, ворочаясь с боку на бок. Он то вводил сообщение в чате с Чи Чэном, то удалял его. Десять вечера — спрашивать, поужинал ли он, было неуместно. В конце концов, хорошенько подумав, он отправил: Спишь?

Он долго ждал ответа, но так и не дождался, и в итоге уснул, укутавшись в пижаму, которую носил Чи Чэн.

А в это время Чи Чэн пил с Ли Ганом в ночном клубе в центре города. Он снял отдельный

кабинет, никого не пригласил, только заказал кучу спиртного. Ли Ган немного погулял снаружи, а потом зашел в кабинет и сел рядом с Чи Чэном:

— В этом захолустье ночные клубы — полная тоска. Скучно, даже расслабиться негде.

Чи Чэн молчал, медленно потягивая алкоголь и то и дело поглядывая на телефон, лежащий на столе. Ли Ган невольно проследил за его взглядом — на экране был открыт диалог с У Суовэем. Даже самый недалекий человек понял бы, что произошло что-то неладное, раз Чи Чэн сорвался с места и поехал за ним. Лишь одного он не мог взять в толк: что могло за полчаса превратить человека в отличном настроении в молчаливую статую?

Чи Чэн пил рюмку за рюмкой — крепкий алкоголь.

— Господин Чи, так ты завтра с головной болью проснешься, — заметил Ли Ган.

— Ничего, я знаю, что делаю, — бросил Чи Чэн.

<http://bllate.org/book/20872/2107334>